

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 343

DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-113-125

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ПРЕДМЕТА ХИЩЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Зарубина К. А.

Юго-западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

e-mail: kris1996z@mail.ru

Поступила в редакцию 30.03.2026

После доработки 18.04.2026

Принята к публикации 29.04.2026

Аннотация

Цель. Выявление проблемных аспектов уголовно-правового регулирования хищения криптовалюты для определения направлений совершенствования соответствующего института.

Процедура и методы. В работе использовались сравнительно-правовой, формально-юридический, системный методы, анализ, синтез, индукция, дедукция и обобщение.

Результаты. Установлено, что криптовалюта, несмотря на нематериальную природу и отсутствие чёткого нормативного закрепления, обладает признаками имущества и может рассматриваться в качестве предмета хищения. Выявлены ключевые проблемы квалификации хищений криптовалюты и предложены направления совершенствования отечественного законодательства в данной сфере.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-правового регулирования хищения криптовалюты. Обобщён теоретический материал о правовой природе криптовалюты.

Ключевые слова: имущество, криптовалюта, предмет хищения, преступление, хищение

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2026 год №075-03-2026-489.

Для цитирования:

Зарубина К. А. Уголовно-правовая характеристика криптовалюты как предмета хищения: проблемы и перспективы правового регулирования // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 113–125. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-113-125>.

Original research article

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF CRYPTOCURRENCIES AS A SUBJECT OF THEFT: PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION

K. Zarubina

South-West State University, Kursk, Russian Federation

e-mail: kris1996z@mail.ru

© CC BY Зарубина К. А., 2026.

Received by the editorial office 30.03.2026

Revised by the author 18.04.2026

Accepted for publication 29.04.2026

Abstract

Aim. To identify problematic aspects of criminal regulation of cryptocurrency theft to determine the areas of improvement of the relevant institution.

Methodology. The work used comparative legal, formal legal, systematic methods, as well as methods of analysis, synthesis, induction, deduction and generalization.

Results. It has been established that the cryptocurrency, despite its immaterial nature and lack of clear regulatory consolidation, has the characteristics of property and can be considered as an object of theft. The key problems of qualifying the theft of cryptocurrencies have been identified and directions for improving domestic legislation in this area have been proposed.

Research implications. Proposals have been formulated to improve the criminal law regulation of the theft of cryptocurrencies. The theoretical material on the legal nature of cryptocurrencies.

Keywords: property, cryptocurrency, subject of theft, crime, theft

Acknowledgements. The article was prepared as part of the state assignment no. 075-03-2026-489 (2026).

For citation:

Zarubina, K. A. (2026). Criminal and Legal Characteristics of Cryptocurrencies as a Subject of Theft: Problems and Prospects of Legal Regulation. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 113–125. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-113-125>.

Введение

Современный этап развития общественных отношений характеризуется интенсивной цифровизацией экономики, трансформацией традиционных форм имущественного оборота и формированием новых видов активов, существующих исключительно в электронной среде. В условиях становления цифровой экономики происходит постепенное смещение акцента с материальных объектов на нематериальные, выраженные в виде информации и цифровых записей, обладающих самостоятельной экономической ценностью.

Развитие информационных технологий, в т. ч. распределённых реестров, обусловило появление принципиально новых форм финансовых инструментов, не связанных с государственным регулированием и централизованными эмиссионными институтами. Одним из ключевых достижений в данной сфере стала технология блокчейн, представляющая собой децентрализованную систему хранения данных о транзакциях, основанную на криптографических методах защиты информации. На базе ука-

занной технологии сформировался новый вид цифровых активов – криптовалюта, представляющая собой своеобразную виртуальную валюту, функционирующую в распределённой сети и не имеющую материального выражения.

Появление криптовалюты стало результатом эволюции финансовых технологий и одновременно реакцией на кризис традиционной финансовой системы 2000-х гг. В октябре 2008 г. был опубликован программный документ «Bitcoin: a peer-to-peer electronic cash system», положивший начало развитию первой децентрализованной криптовалюты. Непосредственное функционирование первой криптовалюты, биткоина, было запущено 3 января 2009 г. с созданием т. н. «генезис-блока», что фактически ознаменовало возникновение новой формы цифровых финансовых активов [1, с. 59–65]. В дальнейшем криптовалюта получила широкое распространение, сформировав самостоятельный сегмент мировой экономики и став объектом инвестиционной и хозяйственной деятельности. Вместе с тем развитие криптовалюты

обусловило появление новых форм преступных посягательств, в т. ч. связанных с их незаконным изъятием. Это актуализирует необходимость научного осмысления криптовалюты как предмета хищения и определения её места в системе уголовно-правовой охраны собственности.

Целью настоящего исследования является выявление проблемных аспектов уголовно-правового регулирования хищения криптовалюты для определения направлений совершенствования соответствующего института.

В процессе исследования использовался комплекс научных методов, обеспечивающих всестороннее рассмотрение проблемы. Сравнительно-правовой метод позволил систематизировать и обобщить существующие научные подходы к определению сущности и правовой природы криптовалюты, а также её места в системе уголовно-правовых отношений. Формально-юридический метод применялся для анализа норм современного отечественного уголовного законодательства, регулирующих привлечение к уголовной ответственности за хищение криптовалюты. Для формулирования выводов использовались методы индукции, дедукции, анализа, синтеза и обобщения, обеспечивающие логическую взаимосвязь между выявленными проблемными аспектами правового регулирования в данной сфере и предложениями по совершенствованию отечественного законодательства.

Правовая природа криптовалюты

В отечественной и зарубежной научной литературе отсутствует единое определение понятия «криптовалюта», что обусловлено как технологической новизной данного явления, так и разными теоретическими подходами к его пониманию. Часть исследователей определяет криптовалюту как цифровой финансовый актив, обладающий собственными характеристиками имущества. Представители этой точки зрения сосредотачивают внимание на том, что криптовалюта способна участвовать в иму-

щественных отношениях, быть объектом обмена, отчуждения и оценки, что делает её сопоставимой с классическими объектами гражданского оборота [2, с. 797–804; 3, с. 3–13], подчёркивая, что криптовалюта должна быть признана иным имуществом в рамках действия ст. 128 ГК РФ [4, с. 19–23]. Как видим, в данном случае криптовалюта рассматривается как нематериальное имущество или право требования, аналогичное в англосаксонской правовой системе «вещам в действии» (*things in action*) или другим нематериальным активам, которые традиционно защищаются законом в сфере имущественных прав [5; 6].

Другие исследователи рассматривают криптовалюту прежде всего как форму денег или валюты, что отражает её экономическую функцию в обороте. Так, И. А. Ашмаров указывает, что «за время своей эволюции деньги прошли через несколько этапов – от товарных денег до денег электронных, разновидностью которых и является криптовалюта» [7, с. 4–15]. Сторонники этого подхода подчёркивают, что криптовалюта выполняет те же 3 ключевых функции, которые традиционно приписываются деньгам: средство обмена, единица учёта и средство сохранения стоимости, что отличает её от иных цифровых активов [8, с. 128–138].

Такой взгляд укрепляется практикой некоторых юрисдикций, где криптовалюта признаётся аналогом валюты или цифровой формой платёжных средств, несмотря на отсутствие эмитента, государственного статуса или официального признания как законного платёжного средства. Так, например, в 2021 г. в Сальвадоре был принят специальный закон *Bitcoin Law* (Закон о биткойне), на основании которого криптовалюта получила статус законного платёжного средства¹.

И, наконец, часть исследователей делает акцент на специфике криптовалюты как цифрового правового института, который

¹ El Salvador's Bitcoin Law: Full English Text [Электронный документ]. URL: <https://freopp.org/whitepapers/el-salvadors-bitcoin-law-full-english-text/> (дата обращения: 20.01.2026).

не укладывается целиком ни в категорию денег, ни в «традиционный» институт имущества, и требует самостоятельной правовой квалификации. Представители этой точки зрения отмечают, что криптовалюта сочетает в себе элементы цифрового права и цифровой собственности одновременно, поскольку она отражает во взаимодействии её участников права собственности, но при этом функционирует исключительно как запись в распределённом реестре, формируемая с помощью криптографических алгоритмов [9, с. 20–32]. Такой подход приводит к выводу о необходимости разработки новых правовых категорий и институтов, которые могли бы учесть особенности децентрализованной природы, криптографической защиты и технологического механизма функционирования криптовалют.

Так, анализируя представленные подходы, заключим, что полное «выведение» криптовалюты за пределы уже существующих правовых конструкций не является в достаточной мере обоснованным, и, несмотря на её технологическую специфику, криптовалюта обладает признаками, позволяющими соотнести её с категорией имущества. В этой связи более оправданным представляется не создание принципиально новых правовых категорий, а адаптация существующих правовых механизмов с учётом особенностей цифровых активов.

В продолжение укажем, что в отечественном законодательстве понятие «криптовалюта» до настоящего времени не получило прямого нормативного закрепления. Вместе с тем криптовалюта как феномен цифровой экономики находит своё отражение в правоприменительной практике, экспертных правовых оценках и в косвенном виде в ряде нормативных актов, регулирующих отношения, связанные с цифровыми финансовыми активами. Так, Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп.) вводит в право-

вой оборот категорию цифровых финансовых активов (ЦФА), подразумевая под ними цифровые права.

Цифровые права, согласно данному законодательному акту, представляют собой имущественные и корпоративные права, включая денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, участие в капитале непубличного акционерного общества и требование передачи эмиссионных ценных бумаг, закреплённых решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном Федеральным законом. При этом их выпуск, учёт и обращение осуществляются исключительно посредством внесения или изменения записей в информационной системе на основе распределённого реестра или в иных информационных системах. Также указанный нормативный правовой акт определяет правовую природу цифровой валюты, указывая, что такой валютой надлежит считать «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчётной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему её правилам»¹. Так, законодатель выделяет ключевые признаки цифровой валюты, указывая, что она является совокупностью электронных

¹ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс.

данных, её обладатель не приобретает прав требования к третьим лицам, и её можно использовать для расчётов или инвестирования.

В связи с этим отметим, что криптовалюта, в свою очередь, также представляет собой совокупность электронных данных, однако законодатель специально не относит её к цифровым правам, что оставляет, по верному утверждению Р. М. Янковского [10, с. 43–77], её гражданско-правовую природу неопределённой. При этом, исходя из положений закона, криптовалюта может рассматриваться как разновидность цифровой валюты, поскольку она обладает аналогичной технологической природой (криптовалюта представляет собой электронные данные, может использоваться для инвестиций и расчётов, а также сохраняет экономическую ценность независимо от участия государства и функционирует как децентрализованный цифровой актив).

Так, с экономической и технологической точки зрения содержание понятий *криптовалюта* и *цифровая валюта* по существу совпадает. Однако принципиальные различия между ними проявляются в правовом статусе, регулируемости и контроле. Криптовалюта является децентрализованным цифровым активом, не имеет легального признания в России и большинстве других стран, её использование в качестве средства платежа запрещено для резидентов, а государственный контроль за ней отсутствует, что делает её «высокорискованной» для пользователей и экономики в целом. Цифровая валюта, напротив, централизована, закреплена законом, подчиняется государственному контролю и признаётся законным средством платежа, как это реализовано, например, в виде цифрового рубля. Следовательно, криптовалюта технологически и экономически может рассматриваться как разновидность цифровой валюты по своим сущностным характеристикам, однако её правовой статус, степень регулируемости и гарантии использования существенно отличаются.

Это позволяет сделать вывод о том, что криптовалюта и цифровая валюта тожде-

ственны по технологической и экономической природе, но различны по правовой природе, степени контроля и централизованности. В связи с этим, соглашаясь с мнением М. М. Долгиевой [11, с. 70–74], укажем, что пока законодатель официально не выскажется по поводу статуса именно криптовалюта, а не только цифровых финансовых активов и цифровой валюты, её правовая природа не будет до конца определена. Но вместе с тем, если в рамках государственной теории денег криптовалюта не может быть признана денежными средствами, а в рамках гражданско-правовых канонов – имуществом в собственном смысле, то с точки зрения, т. н. общественной теории [12, с. 510–519], криптовалюта способна выполнять функции денег, имеет реальную материальную ценность и её обращение признаётся участниками экономических отношений, ввиду чего криптовалюта может выступать объектом имущественных отношений, а значит, в отношении неё возможно совершение противоправных действий, в том числе наиболее распространённого в современности вида преступных посягательств – хищений.

Исходя из этого, для корректной уголовно-правовой квалификации таких деяний необходимо определить сущностные характеристики криптовалюты как предмета хищения, учитывая её специфические характеристики (децентрализованность, цифровую форму и отсутствие обязательств третьих лиц). Полагаем, что только такое сопоставление позволит определить, каким образом криптовалюта может быть признана объектом уголовной защиты и какие проблемы возможны при её квалификации в качестве предмета хищения.

Хищение криптовалюты: уголовно-правовая оценка

Первоначально определим, что в отечественном уголовном праве предмет хищения традиционно соотносится с объективной стороной преступления. В соответствии с Примечанием 1 к ст. 158 УК РФ

под хищением понимаются совершённые с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу такого имущества. Это определение устанавливает предмет преступного посягательства как «чужое имущество», обладающее совокупностью юридически значимых признаков, без которых невозможна квалификация деяния как хищения.

В доктрине уголовного права предмет хищения традиционно рассматривается через призму объективно-юридических критериев. Так, основными критериями имущества являются материальность (предметный признак), стоимость (экономический признак), а также «чуждость» имущества (юридический признак) и в некоторых исследованиях вложенность труда человека (социальный признак). Проанализируем каждый из них.

Материальность (предметный признак) традиционно понимается как наличие у имущества объективированной формы существования, выраженной в его вещественной природе. В классической теории уголовного права этот признак связывается с тем, что предметом хищения может выступать лишь материальный объект внешнего мира, обладающий пространственной определённой и существующий в одном из агрегатных состояний. Именно наличие физической оболочки позволяет отграничить имущество от нематериальных явлений, таких как идеи и мысли, которые не образуют предмет хищения и подлежат защите в рамках иных правовых институтов [13, с. 43–46]. Вместе с тем развитие экономических отношений и цифровых технологий обусловило переосмысление содержания данного признака. В современных условиях материальность всё чаще трактуется расширительно – не только как физическая осязаемость, но и как объективированность объекта, выраженная в возможности его фиксации, учёта и вовлечения в имущественный оборот. В этой связи в категорию имущества включаются

не только традиционные вещи, но и иные объекты, обладающие самостоятельным экономическим значением и способные выступать предметом имущественных отношений.

Вторым ключевым критерием является стоимость (экономический признак), предполагающая наличие у имущества экономической ценности. Этот признак выражается в способности объекта удовлетворять материальные или иные потребности участников общественных отношений, а также выступать предметом эквивалентного обмена. Отдельно укажем, что стоимость может иметь как денежное выражение, так и определяться через возможность извлечения выгоды, получения дохода или достижения иного полезного эффекта [14, с. 252–254]. Укажем, что именно наличие стоимости позволяет отграничить имущество от иных объектов, не обладающих экономической ценностью, и включить его в сферу имущественных отношений, охраняемых правом.

Особое значение имеет признак «чуждости» имущества (юридический признак), который заключается в принадлежности имущества определённому субъекту и возможности чёткого разграничения «своего» и «чужого». Этот признак является ключевым для уголовно-правовой характеристики хищения, поскольку посягательство возможно лишь в отношении чужого имущества. Юридическая принадлежность имущества может основываться как на праве собственности, так и на иных вещных или обязательственных правах, а также на фактическом владении, признаваемом правом [15, с. 198–204]. Вследствие этого для признания объекта предметом хищения необходимо наличие правовой или фактической связи между имуществом и его обладателем, позволяющей установить факт причинения ущерба.

И, наконец, как уже отмечалось ранее, в ряде научных исследований выделяется социальный признак, выражающийся во вложенности труда человека. Его содержание заключается в том, что имущество рассматривается как результат человеческой

деятельности, направленной на создание экономической ценности. Этот признак отражает социально-экономическую природу имущества и его связь с процессами производства, распределения и обмена [16, с. 31]. Несмотря на то, что данный критерий носит дискуссионный характер и не всегда признаётся универсальным, он позволяет дополнительно обосновать включённость соответствующего объекта в систему имущественных отношений и его значимость для участников экономического оборота.

В результате совокупность указанных признаков позволяет сформировать комплексное представление об имуществе как объекте уголовно-правовой охраны и определить критерии, по которым тот или иной объект может быть признан предметом хищения. В связи с этим считаем необходимым соотнести обозначенные признаки с характеристиками криптовалюты с целью установления возможности (или невозможности) признания данного цифрового актива предметом хищений.

Применительно к признаку материальности (предметному признаку) необходимо отметить, что криптовалюта не обладает вещественной природой в классическом её понимании, поскольку представляет собой совокупность электронных данных, существующих в распределённой информационной системе. Она не имеет физической оболочки, не локализуется в пространстве и не может быть воспринята органами чувств как материальный объект. В этой связи некоторые исследователи указывают на невозможность признания криптовалюты предметом хищения в «классическом» виде [17, с. 15–18].

Вместе с тем в современной уголовно-правовой доктрине справедливо получает распространение расширительное толкование предмета хищения, допускающее включение в его состав не только материальных вещей, но и иных объектов, обладающих экономической ценностью и способных участвовать в имущественном обороте. Так, по верному замечанию Э. В. Сона, в связи с появлением имуще-

ства в электронной форме в настоящее время назрела объективная необходимость переосмыслить уголовно-правовое учение о физическом признаке предмета хищения и признать такие виртуальные ценности, как криптовалюта, предметом хищения [18, с. 92–103].

В продолжение этому заметим, что в данном контексте материальность следует понимать, скорее, не как физическую осязаемость, а как объективированность, т. е. способность объекта существовать в форме, позволяющей его фиксацию, учёт и передачу. И криптовалюта отвечает данным критериям, поскольку она существует в виде записей в распределённом реестре, поддаётся идентификации посредством криптографических ключей и может быть передана от одного субъекта к другому. Следовательно, несмотря на отсутствие вещественной оболочки, криптовалюта обладает необходимой степенью объективированности, позволяющей рассматривать её в качестве предмета хищения.

Анализируя экономический признак, следует отметить, что криптовалюта в полной мере соответствует данному критерию. Она обладает самостоятельной рыночной стоимостью, формируемой соотношением спроса и предложения, что находит выражение, в частности, в существовании устойчивого курса криптовалют (например, биткоина) к национальным валютам. Более того, криптовалюта фактически участвует в экономическом обороте, выступая не только средством инвестирования и накопления, но и средством расчётов за товары и услуги, что подтверждается практикой её принятия рядом коммерческих организаций.

По верному утверждению А. А. Коренной и Н. В. Тыдыковой, экономическая ценность криптовалюты обусловлена её востребованностью в цифровой среде, ограниченным характером эмиссии и возможностью трансграничного оборота, что делает её полноценным объектом имущественных отношений и уголовно-правовой охраны [19, с. 408–415]. Следует также учитывать, что в современной уголовно-

правовой доктрине всё более активно утверждается идея о том, что определяющим признаком имущества является не его материальная форма, а наличие экономической ценности и способность участвовать в имущественном обороте. В этом смысле подход, ориентированный на стоимость имущества, представляется более обоснованным и соответствует современным условиям цифровой экономики, а признание предметом хищения криптовалюты полностью вписывается в данную концепцию.

Говоря о юридическом признаке предмета хищения, укажем, что он также применим к криптовалюте, хотя и проявляется в специфической форме. Так, принадлежность криптовалюты конкретному субъекту определяется через обладание приватным ключом, обеспечивающим доступ к соответствующему цифровому активу. Именно контроль над данным ключом позволяет осуществлять владение, пользование и распоряжение криптовалютой [3, с. 10–12]. При этом, несмотря на отсутствие классических правоустанавливающих механизмов, фактический контроль над цифровым активом может рассматриваться как аналог владения имуществом. Это позволяет разграничивать «своё» и «чужое» имущество и, следовательно, признавать криптовалюту объектом посягательства. Вместе с тем анонимность транзакций и отсутствие централизованного учёта существенно усложняют установление принадлежности актива и доказывание факта причинения ущерба, что представляет серьёзную проблему для правоприменительной практики. Следовательно, юридический признак имущества применительно к криптовалюте сохраняется, но требует специфических процедур доказывания и учёта особенностей децентрализованных цифровых активов. Это значит, что для эффективного уголовно-правового регулирования необходимо учитывать указанные особенности, что подразумевает как совершенствование методик доказывания права собственности на подобные цифровые активы, так и возможное внесение уточнений в нормативные акты для адап-

тации уголовного права к современным цифровым реалиям.

Наконец, социальный признак, выражающийся во вложенности труда человека, также находит применение при анализе сущности криптовалюты, поскольку её существование и функционирование непосредственно зависят от активности участников сети, включающей разработку и поддержание программного обеспечения, обеспечение безопасности и целостности блокчейна, а также процесс майнинга, требующий значительных вычислительных и энергетических ресурсов. Кроме того, транзакции в сети и поддержка инфраструктуры предполагают координацию множества участников, и каждая единица криптовалюты является результатом совместных усилий участников сети, где труд, технологии и координация создают экономическую ценность, закреплённую в цифровой форме, что делает криптовалюту продуктом коллективной интеллектуально-экономической деятельности. Как видим, криптовалюта представляет собой результат совместной экономической деятельности, направленной на формирование цифровой ценности, и в этом смысле может рассматриваться как имущественный объект, создающий общественную и экономическую значимость.

Таким образом, анализ криптовалюты через призму традиционных признаков предмета хищения (экономического, предметного, социального и юридического признаков) позволяет сделать вывод о том, что она, несмотря на свою нематериальную природу и особый статус в системе экономических отношений, в целом соответствует критериям предмета хищения. Вместе с тем необходимо учитывать её специфические особенности, к числу которых относятся: отсутствие вещественной формы; нестабильность экономической оценки, обусловленная волатильностью курса и зависимостью от цифровой среды; затруднённое установление принадлежности криптовалюты конкретному лицу вследствие децентрализованного и анонимного характера владения; а также

коллективный неперсонализированный характер создания, что отражает социальный признак и отличает криптовалюту от «классического» имущества. При этом в целом, как уже указывалось ранее, криптовалюта может быть признана предметом хищения, хотя её правовая оценка требует дальнейшей доктринальной разработки и совершенствования нормативного регулирования с учётом особенностей цифровой экономики.

Перспективы уголовно-правового регулирования хищений криптовалюты

Для уточнения уголовно-правового статуса криптовалюты, учитывая её децентрализованный характер, отсутствие легального признания и формальных обязательств третьих лиц, затруднённую персонализацию и прочие проблемы, создающие значительные трудности при квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалюты, предлагаем следующие ключевые направления для совершенствования отечественной уголовно-правовой базы.

Во-первых, ввиду того что криптовалюта до настоящего времени не имеет чётко установленной правовой природы, считаем необходимым её легализацию в гражданско-правовом обороте и установление системы обязательной регистрации или уведомления о владении такими цифровыми активами, аналогично процедурам, реализованным в сфере налогообложения. В поддержку указанной точки зрения дополнительно укажем, что данная позиция уже нашла отражение в практике Конституционного Суда РФ, а именно в Постановлении № 2-П, подтверждающем, что имущественные права на цифровую валюту подлежат судебной защите, но только в том случае, если о наличии подобной валюты были надлежащим образом уведомлены налоговые органы, иначе возможен отказ в защите по формальным основаниям¹. Полагаем, что такой подход позволит

государству контролировать оборот криптовалюты и создавать тем самым правовую основу для её защиты.

Так, реализация указанного механизма может быть обеспечена посредством установления обязанности по уведомлению о владении криптовалютой и совершении операций с ней через уполномоченные государственные органы, а также через возложение на операторов цифровых платформ функций по идентификации пользователей и фиксации совершаемых транзакций. Следует отметить, что в зарубежной практике применяются сходные подходы, предполагающие учёт операций с цифровыми активами, раскрытие информации о владении ими и использование процедур финансового мониторинга, направленных на обеспечение прозрачности их оборота. Представляется, что адаптация подобных механизмов позволит создать эффективную систему контроля за криптовалютой, обеспечив при этом необходимую основу для её правовой, в том числе уголовно-правовой, защиты.

Во-вторых, ввиду признания криптовалюты объектом правовой защиты в продолжение находим важным внесение уточнения в Примечание 1 к ст. 158 УК РФ. Так, для признания криптовалюты «полноценным» предметом хищений возможно дополнение данного Примечания следующей формулировкой: «Под имуществом в рамках настоящей статьи понимаются вещи, денежные средства, имущественные права, а равно иные имущественные ценности, включая цифровую валюту и иные цифровые активы, обладающие экономической стоимостью, принадлежащие другому лицу либо находящиеся у него на законном основании независимо от наличия материальной формы». Полагаем, что это позволит устранить юридическую неопределённость и дать правоохранительным органам

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О

цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича // СПС Консультант Плюс.

основания для правильной квалификации соответствующих преступных деяний.

И, наконец, необходимо выработать официальную судебную позицию относительно квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалюты. Судебная практика уже демонстрирует возможность применения норм о хищении в отношении такого рода ценности (например, в деле о хищении биткоинов действия лица квалифицировались по ч. 4 ст. 159 УК РФ)¹. Однако отсутствие единых критериев для определения потерпевшего, оценки ущерба и установления факта хищения требует закрепления единых судебных подходов в качестве руководящих принципов для правоприменения.

Вместе с тем представляется, что дальнейшее развитие уголовно-правового регулирования в рассматриваемой сфере невозможно без детальной проработки процессуальных аспектов, связанных с расследованием и рассмотрением дел о хищении криптовалюты. В частности, существенные трудности вызывает доказывание самого факта противоправного изъятия цифрового актива, поскольку операции в распределённых реестрах носят псевдонимный характер и не предполагают прямой идентификации участников. Не менее сложной является проблема определения размера причинённого ущерба, обусловленная высокой волатильностью курса криптовалют и отсутствием единых подходов к моменту оценки их стоимости (на момент совершения преступления, выявления или рассмотрения дела). Кроме того, требует отдельного анализа вопрос установления личности потерпевшего, поскольку принадлежность криптовалюты определяется через владение приватным ключом, а не через традиционные правоустанавливающие документы, что затрудняет подтверждение права на соответствующий актив, а также некоторые иные проблемные вопросы, поднимаемые в на-

учной среде [20, с. 90–100; 21, с. 189–195; 22, с. 284–289].

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости формирования специальных процессуальных подходов и методик доказывания, адаптированных к особенностям цифровых активов, при этом обозначенные проблемы представляют собой самостоятельное направление научного исследования, требующее комплексного межотраслевого анализа и дальнейшего изучения указанной проблематики. При этом полагаем, что в совокупности реализация предложенных мер позволит устранить основные проблемные аспекты уголовно-правовой охраны криптовалюты, создать единый правовой механизм защиты имущественных интересов участников цифрового оборота, обеспечить эффективное применение норм гл. 21 УК РФ к преступлениям в виртуальной среде и сформировать новые направления для продолжения разработки теоретико-правовых основ регулирования общественных отношений в указанной сфере.

Заключение

Таким образом, криптовалюта, несмотря на отсутствие традиционной вещественной формы и специфику своего функционирования в децентрализованной цифровой среде, в целом отвечает ключевым критериям имущества и, следовательно, может рассматриваться в качестве предмета хищения в уголовно-правовом смысле. Её экономическая ценность, наличие фактической принадлежности конкретному субъекту, а также обусловленность её существования коллективной деятельностью участников сети свидетельствуют о включённости данного объекта в сферу охраняемых уголовным законом имущественных отношений. Вместе с тем специфика криптовалюты предопределяет возникновение ряда существенных проблем уголовно-правового характера, и отсутствие единообразного нормативного и судебного подхода к решению данных во-

¹ Приговор № 1-529/2025 от 17 сентября 2025 г. по делу № 1-529/2025 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rDpLZjCaSXrt/> (дата обращения 30.03.2026).

просов порождает правовую неопределённость в правоприменительной практике.

Предложенные направления совершенствования уголовно-правового регулирования, включающие легализацию криптовалюты в правовом пространстве с уточнением её статуса в системе уголовно-правовых отношений, а также формирование устойчивой судебной позиции по вопросам квалификации соответствующих преступлений, направлены на преодоление указанных проблем. В то же время следует учитывать, что данные меры

не являются единственно возможными и находятся в плоскости научной дискуссии, что обусловлено динамичностью развития цифровых технологий и многообразием подходов к определению правовой природы криптовалюты. В этой связи представляется необходимым дальнейшее развитие уголовно-правовой доктрины в указанном направлении с целью формирования единого подхода к решению обозначенных проблем, включая его дальнейшее законодательное и правоприменительное воплощение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еремин Р. И., Чернова О. А. Биткоин: история появления и его ценность для экономики // Деловой вестник предпринимателя. 2022. № 1. С. 59–65.
2. Герасимов А. Н., Скрипниченко В. Ю., Катрушак А. О. Цифровые финансовые активы в парадигме обеспечения национальной экономической безопасности: статистический мониторинг и прогнозирование тенденций // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 6. С. 797–804.
3. Астраханцева И. А., Астраханцев Р. Г. Экономическая сущность и правовой статус криптовалют // Известия вузов. Экономика, финансы и управление производством. 2020. № 4. С. 3–13.
4. Долгиева М. М. Особенности объекта и предмета преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 19–23.
5. Carr D. Cryptocurrencies as Property in Civilian and Mixed Legal Systems // Cryptocurrencies in Public and Private Law / ed. by D. Fox, S. Green. Oxford, 2019. DOI: 10.1093/law/9780198826385.003.0007
6. Lee C., Alysha H. The Singapore High Court rules that Crypto assets are «things in action» capable of being held on trust: *ByBit Fintech Ltd v Ho Kai Xin and others* [Электронный документ]. URL: <https://clc.li/gCRFm> (дата обращения: 05.01.2026).
7. Ашмаров И. А. Криптовалюта как главные деньги цифровой экономики // Вестник экономической теории. 2019. № 11. С. 4–15.
8. Семенова Н. А., Гайдукова Г. Н., Глобинова К. Д. Учёт криптовалюты и цифровых активов // Научный результат. Экономические исследования. 2024. № 4. С. 128–138.
9. Лолаева А. С., Макиев С. А., Бугаева Э. С. Правовая природа криптовалюты // Юридические исследования. 2021. № 12. С. 20–32.
10. Янковский Р. М. Криптовалюта в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–77.
11. Долгиева М. М. Место криптовалюты в системе финансовых преступлений // Юридическая практика. 2022. № 4. С. 70–74.
12. Степанченко А. В. К вопросу о правовой сущности криптовалюты // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 510–519.
13. Борисов И. Д. Понятие и признаки предмета хищения // Отечественная юриспруденция. 2019. № 1. С. 43–46.
14. Хилjuta В. В. Стоимость как экономический признак предмета хищения // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 3. С. 252–254.
15. Анисимов В. Ф., Бауськов Д. Г., Алиев М. М. Об объекте и предмете хищения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3. С. 198–204.
16. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности. М., 1997. 310 с.
17. Иванова О. М. Хищение чужого имущества как уголовно-правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2020. 23 с.
18. Сон Э. В. Криптовалюта как предмет хищения чужого имущества: проблемы уголовно-правовой оценки // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 3. С. 92–107.

19. Коренная А. А., Тыдыкова Н. В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. № 3. С. 408–415.
20. Галушин П. В., Карлов А. Л. Сведения об операциях с криптовалютами (на примере биткойна) как доказательство по уголовному делу // *Учёные записки Казанского юридического института МВД России*. 2017. № 4. С. 90–100.
21. Брюхов О. В. Биткойн и его развитие в современной экономике // *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*. 2014. № 2. С. 189–195.
22. Глазунова И. В. Использование специальных знаний при выявлении и расследовании экономических преступлений // *Вестник экономической безопасности*. 2016. № 3. С. 284–289.

REFERENCES

1. Eremin, R. I. & Chernova, O. A. (2022). Bitcoin: The History of the Appearance and Its Value for the Economy. In: *Business Bulletin of the Entrepreneur*, 1, 59–65 (in Russ.).
2. Gerasimov, A. N., Skripnichenko, V. Yu. & Katrushak, A. O. (2024). Digital Financial Assets in the Paradigm of Ensuring National Economic Security: Statistical Monitoring and Forecasting Trends. In: *Natural and Humanitarian Research*, 6, 797–804 (in Russ.).
3. Astrakhantseva, I. A. & Astrakhantsev, R. G. (2020). Economic Essence and Legal Status of Cryptocurrencies. In: *News Of Universities. Economics, Finance And Production Management*, 4, 3–13 (in Russ.).
4. Dolgieva, M. M. (2018). Features of the Object and Subject of Crimes Committed in the Field of Cryptocurrency Turnover. In: *Criminal Justice*, 12, 19–23 (in Russ.).
5. Carr, D. (2019). Cryptocurrencies as Property in Civilian and Mixed Legal Systems. In: Fox, D., Green, S. (2019). *Cryptocurrencies In Public and Private Law*. Oxford. DOI: 10.1093/Law/9780198826385.003.0007.
6. Lee, C., Alysha, H. (2023). *The Singapore High Court Rules That Crypto Assets Are "Things in Action" Capable of Being Held on Trust: Bybit Fintech Ltd V Ho Kai Xin And Others*. URL: <https://Clc.li/Gcrfm> (accessed: 05.01.2026).
7. Ashmarov, I. A. (2019). Cryptocurrency as the Main Money of the Digital Economy. In: *Bulletin of Economic Theory*, 11, 4–15 (in Russ.).
8. Semenova, N. A., Gaidukova, G. N. & Globinova, K. D. (2024). Accounting for Cryptocurrency and Digital Assets. In: *Scientific Result. Economic Research*, 4, 128–138 (in Russ.).
9. Lolaeva, A. S., Makiev, S. A. & Bugaeva, E. S. (2021). The Legal Nature of Cryptocurrency. In: *Legal Research*, 12, 20–32 (in Russ.).
10. Yankovsky, R. M. (2020). Cryptocurrencies in Russian Law: Surrogates, "Other Property" and Digital Money. In: *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 4, 43–77 (in Russ.).
11. Dolgieva, M. M. (2022). Place of Cryptocurrency in the System of Financial Crimes. In: *Legal Practice*, 4, 70–74 (in Russ.).
12. Stepanchenko, A. V. (2019). To the Question of the Legal Essence of Cryptocurrency. In: *Perm Legal Almanac*, 2, 510–519 (in Russ.).
13. Borisov, I. D. (2019). Concept and Signs of the Subject of Theft. In: *Domestic Jurisprudence*, 1, 43–46 (in Russ.).
14. Hilyuta, V. V. (2008). Cost as an Economic Sign of The Subject Of Theft. In: *Problems of Economics and Legal Practice*, 3, 252–254 (in Russ.).
15. Anisimov, V. F., Bauskov, D. G. & Aliyev, M. M. (2006). On the Object and Subject of Theft. In: *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3, 198–204 (in Russ.).
16. Gaukman, L. D. & Maximov, S. V. (1997). *Responsibility for Crimes Against Property*. Moscow (in Russ.).
17. Ivanova, O. M. (2020). *Theft of Someone Else's Property as a Criminal Law Category*: [dissertation]. Samara (in Russ.).
18. Son, E. V. (2018). Cryptocurrency as a Subject of Theft of Other People's Property: Problems of Criminal Law Assessment. In: *Asia-Pacific Region: Economy, Politics, Law*, 3, 92–107 (in Russ.).
19. Root, A. A. & Tydykova, N. V. (2019). Cryptocurrency as an Object and Means of Committing Crimes. In: *All-Russian Criminological Journal*, 3, 408–415 (in Russ.).
20. Galushin, P. V. & Karlov, A. L. (2017). Information on Operations with Cryptocurrencies (Using Bitcoin as an Example) as Evidence in a Criminal Case. In: *Scientific Notes of the Kazan Law Institute*

- of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4, 90–100 (in Russ.).
21. Bryukhov, O. V. (2014). Bitcoin and Its Development in the Modern Economy. In: *Electronic Bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute*, 2, 189–195 (in Russ.).
 22. Glazunova, I. V. (2016). Use of Special Knowledge in the Identification and Investigation of Economic Crimes. In: *Bulletin of Economic Security*, 3, 284–289 (in Russ.).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарубина Кристина Александровна (г. Курск) – кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета;

ORCID: 0000–0003–2725–6906; e-mail: kris1996z@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kristina A. Zarubina (Kursk) – Cand. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Theory and History, State and Law, South-West State University;

ORCID: 0000–0003–2725–6906; e-mail: kris1996z@mail.ru